

БУКЛЮТЕКА
С КАЗОКЪ

Издание
М. В. Клюкина.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

Жаръ-птица.

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ драматическую сказку Николая Михайловича Языкова «Жарь-Птица». Это произведение является пародіей на «Конька-Горбунка» А.С. Пушкина. Оно написано, когда авторъ принималъ участіе въ «сказочномъ состязаніи» В.А. Жуковскаго съ Пушкинымъ въ 1835-1837 годахъ.

Въ этомъ произведениі мы найдемъ и «третяго сына», и сѣраго волка, и живую и мертвую воду, и три дороги, а также много разныхъ назиданій, напримѣръ о томъ, какъ вести себя въ путешествії. Отдѣльное вниманіе слѣдуетъ обратить описанію причинъ и послѣдствій общественныхъ безпорядковъ.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, вывѣренный по исходному изданію отъ 1901 года¹

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

¹ Языковъ, Н.М. Жарь-птица: Драмъ. сказка [въ стихахъ] / Соч. Н.М. Языкова; [Предисл.: П. Перевлесской]. – Москва: М.В. Клюкинъ, ценз., 1901. – 80 с.; 20. – (Библіотека сказокъ).

БИБЛІОТЕКА СКАЗОКЪ

Издание
М.В. Клюкина

Н.М. ЯЗЫКОВЪ

Жаръ-птица.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА).

Включено въ каталогъ кн., допущ. Учен. Ком.
М. Н. Пр. для публичн. чт. въ нар. аудит.

Дозволено цензурою. Москва, 18-го августа, 1901 г.

Издание книгопродавца М. В. Клюкина.
Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ.
Первая женская типографія Е. К. Гербекъ.
Москва, 2-я Мѣщанская, д. № 26.

I.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ И ЕГО МИНИСТРЪ.

(Министръ держить блюдо съ яблоками).

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Вотъ яблоки, такъ яблоки на славу!
Могу сказать, что лучшіе плоды
На всей землѣ, единственные. Чудо!
Цвѣтъ, какъ янтарь иль золото. Какъ чисты,
Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любаясь ими, оставляетъ въ нихъ
Свои лучи. А вкусъ! не то, что сахаръ,
Иль медъ, — гораздо тоньше, выше; онъ
Похожъ на ту разымчивую сладость,
Которая струится въ душу, если,
Прильнувъ устами къ розовымъ устамъ
Любовницы прелестно-молодой
Закроешь взоръ — и тихо, тихо, тихо
Изъ милыхъ усть въ себя впиваешь нѣгу:
То пламенный и звонкій поцѣлуй,
То медленный и томный вздохъ. Такъ точно.

(Кушаетъ яблоко)

Повѣришь ли? Что иногда бываетъ
Со мною! Странно! Яблоко возьму
И закушу, да вдругъ и позабудусь,
И полетятъ и полетятъ мечты!

И кровь во мнѣ играеть: цѣлый часъ
Сижу недвижно съ яблокомъ въ рукѣ
И на него смотрю неравнодушно;
А самъ не Ѵмъ вкуснѣйшаго плода!
Прекрасный плодъ! И мнѣ какая слава,
Какая слава подданнымъ моимъ,
Что у меня въ саду такая сладость
Растетъ и зреетъ! Только у меня!
За то ужъ какъ я радуюсь, когда
Приходитъ лѣто и пора... Однакожъ
Мнѣ кажется — и вотъ уже дня съ два,
Какъ замѣчаю то же, — прежде больше
Ты приносилъ мнѣ яблоковъ. Не такъ ли?
Вѣдь такъ?

МИНИСТРЪ.

Ихъ было больше, государь!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ихъ было больше! Отчего жъ теперь?..
Куда жъ они дѣваются? Послушай:
Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кромѣ царя, во всей моей державѣ
Не долженъ Ѵсть ихъ, что никто никакъ
Не долженъ смѣть подумать, что онъ можетъ
Ихъ Ѵсть. Такъ я постановилъ закономъ;
Куда жъ ты ихъ дѣваешь? Говори...

МИНИСТРЪ.

Прости меня, великий государь!
Я виноватъ...

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Какой же ты министръ!..

И хорошо ты служишь мнѣ, когда
Ты не радѣешь именно о томъ,
Что мнѣ всего милѣе!

МИНИСТРЪ.

Государь!

Сыздѣтства я привыкъ служить царю,
Всегда, вездѣ: подъ черной ризой ночи
И при дневномъ сіяніи небесъ,
Въ блистательныхъ чертогахъ богача
И въ сумрачной лачугѣ селянина,
На сходбищѣ народномъ и въ глухи,
Всегда, вездѣ умѣль я царску волю
Рѣшительно и грозно совершать
Во всѣхъ ея оттѣнкахъ и видахъ;
И службою мою не гнушались
Мои цари великие. Меня
И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудрый Зензивей,
Дѣдъ твоего величества, всегда
Мнѣ жаловалъ знатнѣйшіе чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андронъ,
Не отвергалъ совѣтовъ...

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Знаю, знаю!

Да не объ томъ я спрашивалъ тебя:
Я не люблю рѣчей окольныхъ, длинныхъ;
Мнѣ говори и коротко, и прямо,
А въ сторону отъ дѣла не виляй.

МИНИСТРЪ.

Я виноватъ, что не дерзнулъ доселѣ
Открыть тебѣ великую бѣду,
Тяжелое общественное горе:
Въ твой царскій садъ повадилась Жаръ-Птица
И яблоки завѣтныя воруетъ,
И прилетаетъ кажду ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Поймать Жаръ-Птицу! Что это за птица?

МИНИСТРЪ.

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталю
Восточному, а перья золотыя,
И блещутъ ярко...

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Все-таки поймать!

МИНИСТРЪ.

Поймать ее! Могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на дѣлѣ.
Твои рабы усердные, Жаръ-Птицу
Ужъ мы давнымъ-давно подстерегаемъ!
Устроены засады, караулы
И оклики; отрядъ дружины царской
Дозоромъ ходить; наконецъ, я самъ
Не разъ уже ходилъ ее ловить,
И все напрасно!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Стало-быть, она
Огромная, изъ рода рѣдкихъ птицъ
Временъ предъисторическихъ?

МИНИСТРЪ.

Она
Величиной съ большого пѣтуха,
Иль много что съ павлина. Но у ней
Глаза и перья блещутъ и горятъ
Невыносимо ярко. Лишь она
Усядется на яблонѣ, и вдругъ
Раскинетъ свой великолѣпный хвостъ:

Онъ закипитъ лучами, словно солнце;
Тогда въ саду не ночь, а чудный день,
И такъ свѣтло, что ничего не видно!
А между тѣмъ все это отъ нея жъ,
И тишина, такая тишина
И нѣжная и сладкая, что самыи
Крѣпчайшій сторожъ соблазнится: ляжетъ
На дернъ, кулакъ подложить подъ високъ,
Заснетъ и спить до поздняго обѣда!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Такъ какъ же быть? Диковинная птица!
Зови сюда царевичей! Они
Помогутъ мнѣ подумать, разсудить,
Что дѣлать намъ.

(Министръ уходитъ).

II.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ (одинъ).

Что дѣлать съ этой птицей?
Таковъ вопросъ! (ходитъ по комнатѣ) Ужасно я
встревоженъ!
А говорятъ, что царствовать легко!
Согласенъ я: оно легко, покуда
Нѣть важныхъ дѣлъ, но лишь пришли они,
Такъ но легко, а нестерпимо трудно!
Вотъ, напримѣръ, теперешнее наше!
Хоть самого Сократа посади
На мой престолъ; по случаю Жарь-Птицы

И самъ Сократъ задумается: какъ
Поймать ее, когда никакъ нельзя
Поймать ее? Да, надобно признаться:
Есть на землѣ пречудныя дѣла,
Столь хитрыя, мудреныя, что въ нихъ
Разумнѣйшій, великій человѣкъ,
Ну человѣкъ такой, чтобы природа
Могла сказать объ немъ: «вотъ человѣкъ!» —
И глупъ, и малъ, какъ мой послѣдній рабъ.

III.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ И ЦАРЕВИЧИ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Любезные царевичи мои!
Въ нашъ царскій садъ повадилась Жаръ-Птица
И яблоки завѣтныя воруетъ
И прилетаетъ кажду ночь. Такъ я
Хочу теперь подумать вмѣстѣ съ вами,
Что дѣлать съ ней? А такъ ее оставить
Нельзя: она до тла опустошить
Нашъ садъ. Да мнѣ, царю, и неприлично
Давать себя въ обиду всякой дряни!
Скажите же, царевичи мои,
Какъ поступить мнѣ съ нею? Ты сначала
Подай совѣтъ, мой старшій сынъ, Димитрій!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, что надобно сперва

Навѣрное развѣдать, чья она?
Потомъ посла къ тому царю отправить —
Сказать ему, что ваша-де Жаръ-Птица
Повадилась летать въ нашъ царскій садъ,
И яблоки воруеть дорогія;
Такъ мы по дружбѣ съ вами просимъ васъ
Унять ту птицу; мы-де не желаемъ,
Чтобъ вѣчный миръ, который...

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ты, Василій?

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю такъ точно, слово въ слово,
Какъ говорить мой старшій братъ: сперва
Навѣрное развѣдать, чья она?
Потомъ посла...

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А ты, Иванъ царевичъ?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, что нечего тутъ думать!
Поймать ее — и въ шляпѣ дѣло!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Какъ-же

Поймать ее? Вотъ въ томъ-то и задача!
Давно объ ней хлопочутъ: карауль,
Засада, часть дружины, вообще
Противъ нея ловительныя мѣры
Ужъ приняты, но всѣ напрасно.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Что-же,

Намъ прикажи: мы, сыновья твои,
Тебя мы любимъ больше, чѣмъ твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочія ловительныя мѣры,
Авось поймаемъ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Да и въ самомъ дѣлѣ!

Совѣтъ разумный! Я съ тобой согласенъ,
Иванъ царевичъ! знаю это слово —
«Авось! Авось!». О, сильно это слово!
Оно чудесно! Часто въ немъ одномъ
Заключены великия дѣла
И вѣчная блистательная слава!
Такъ точно ель, что крѣпкими корнями
Ухватится за землю, и подъ тѣнь
Раскидистыхъ, густыхъ своихъ вѣтвей
Укроетъ доль, и гордою вершиной
Уйдетъ въ лазурь небесную, таится
Въ одномъ летучемъ сѣмячкѣ!.. Авось
Удастся вамъ, царевичи мои,
Поймать Жаръ-Птицу! Безполезно мѣшкать

Въ такихъ дѣлахъ. Я вамъ повелѣваю,
Вамъ всѣмъ троимъ, царевичи, ходите
Въ нашъ царскій садъ, по брату кажду ночь.
Ловить ее: сначала ты, Димитрій,
Потомъ Василій, наконецъ Иванъ.
Иванъ царевичъ, подойди ко мнѣ,
Дай мнѣ тебя расцѣловать, мой милый,
Любимый сынъ: ты освѣжилъ меня
Своимъ совѣтомъ. Весело мнѣ видѣть,
Что у тебя отважная душа.
Рости, мой сынъ, ты будешь богатырь!

IV.

ЦАРЕВИЧИ ДИМИТРІЙ И ВАСИЛІЙ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты правду мнѣ сказалъ, любезный братъ:
Намъ не видать ея. Не нашимъ силамъ
Устаивать противъ такого сна,
Къ которому во время караула
Такъ и влечеть, и клонить человѣка
Шелковый лугъ, весенняя прохлада
И тишина заповѣдного сада,
И сладкая, безмѣсячная ночь.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Волшебный сонъ! Лишь только я усѣлся
Подъ яблонью и бодро началъ думать,
Какъ не заснуть мнѣ въ эту ночь: меня

Вдругъ обняла, откуда ни возьмись,
Такая лѣнъ рѣшительно и сладко,
Какъ рѣзвая прелестница, что я
Почти упалъ, и право ужъ не помню,
Какъ я заснуль.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ

Все это ничего!
Вѣдь батюшка увѣренъ, что Жаръ-Птица
Не прилетала обѣ эти ночи;
Но вотъ загадка: какъ намъ быть, когда
Иванъ царевичъ...

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты мнѣ страненъ, братъ:
Куда ему! И онъ проспитъ, какъ мы!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ очень счастливъ. И теперь уже
Его зовутъ любимымъ сыномъ. Мы же...

V.

ТѢ ЖЕ И ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Мнѣ право жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я

Васъ не виню! Да какъ васъ и винить?
Не прилетала: нечего и дѣлать!
Гдѣ взять ее? Посмотримъ, что-то скажетъ
Иванъ Царевичъ?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ

Можетъ-быть, ему
И удалось ее увидѣть...

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Да,
Оно не трудно, если прилетала...

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

И близъ него свѣтилась, какъ солнце.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Что пользы въ этомъ, ежели она
И прилетала? Онъ еще такъ молодъ;
Онъ не сумѣеть справиться съ такой
Чудесной птицей. Вѣрно оробѣеть
И ничего не сдѣлаетъ... Да вотъ онъ!
А, здравствуй, мой Иванъ царевичъ! Какъ
Ты ночь провелъ? Что это у тебя?

VI.

ТЪ ЖЕ И ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Перо Жаръ-Птицы.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ

Что ты, въ самомъ дѣлъ?

Возможно-ли!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я не поймалъ ея!

Пресильная, пребѣщеная птица!
Одно перо осталось у меня.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А какъ его досталъ ты?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Очень просто:

Я влѣзъ на яблонь и въ густыхъ вѣтвяхъ,
Подъ самою верхушкой притаился,
Сижу и жду, что будетъ? Ночь тиха,
Безмѣсячна, во всемъ саду ни листикъ
Не шевельнется; я на яблонѣ сижу.
Вдругъ вижу — что-то на краю небесь,

Какъ звѣздочки, заискрилось; гляжу
Въ ту сторону; оно растеть и будто
Летить, и въ самомъ дѣлѣ вѣдь летить!
Все ближе, ближе, прямо на меня,
И къ яблонѣ — и листья зашумѣли;
Однакожъ я ничуть не оробѣль.
Сидить Жарь-Птица, знаю... да какъ гаркну
И хватъ ее обѣими руками!
Она рванулась, вырвалась и мигомъ
Ушла изъ глазъ — въ далекій небосклонъ;
А у меня въ рукѣ перо осталось.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ (разматривая перо).

Прекрасное, рѣдчайшее перо!
Какъ тяжело! Знать, цѣльно золотое!
Какъ тонко, нѣжно, гибко, что за цвѣтъ!
Прекрасное, рѣдчайшее перо!
Хоть за шеломъ Рогеру! Слава Богу!
Любезные царевичи, я радъ,
Сердечно радъ Жарь-Птицыну перу!
Теперь я ожиль: я почти увѣренъ,
Что не уйдетъ она отъ нашихъ рукъ.
Попрежнему ходите караулить,
И съ нынѣшней же ночи. Я надѣюсь,
Что ты, Димитрій... Ну, Иванъ царевичъ!
А я грѣшилъ: я думалъ ты... анъ нѣтъ!
Ты, какъ герой, ничуть не испугался —
И дѣйствовалъ благоразумно. Славно!

(Цѣлуетъ Ивана царевича.)

Мой милый сынъ! Поди, мой другъ, къ себѣ
И отдохни! А ты, Димитрій, снова
Приготовляйся къ караулу. Я
Хочу подумать, какъ мнѣ самый лучшій,
Приличный ящикъ сдѣлать, иль ковчегъ
Для этого чудеснаго пера,
Изящно-драгоценный! Позови (Василью)
Сюда ко мнѣ дворцовыхъ столяровъ
И рѣзчиковъ: я дожидаюсь ихъ!

VII.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ И ЦАРЕВИЧИ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Итакъ Жаръ-Птица вовсе перестала
Летать къ намъ въ садъ, и все у насъ въ порядкѣ
Спокойно, тихо, яблоки растутъ,
Красуются и зрѣютъ безобидно,
И вообще судьба ко мнѣ добра,
Мила со мной, любезна: все какъ было!
Но знаете-ль, царевичи мои,
Чего теперь мнѣ хочется? Вчера
Послѣ обѣда сдѣлалась со мной
Безсонница... и не спалъ я, и думалъ
О томъ, о семъ, и кое-что обдумалъ;
Потомъ я сталъ мечтать, мои мечты, —
Въ безсонницу онѣ празднолюбивы, —
Мои мечты пестрѣлись и кипѣли,
Какъ ярмарка — и вдругъ одна изъ нихъ,
Какъ юношу красавица, нежданно

Блеснувшая въ народной толкотнѣ,
Одна изъ нихъ меня очаровала,
И ей одной я предался вполнѣ,
Какъ юноша, довѣрчиво и страстно:
Мнѣ хочется, царевичи мои,
Поймать Жаръ-Птицу непремѣнно. Ею
Умножу блескъ престола моего,
И на землѣ далеко и широко
Прославлюся. Я объявляю вамъ,
Что награжу весьма великолѣдно
Того изъ васъ, кто мнѣ ее доставить:
Отдамъ ему полцарства моего!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Не нужно мнѣ полцарства твоего! —
А просто, такъ, изъ удали... я радъ
Хоть сей же часъ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Молчи, Иванъ царевичъ!
Съ тобой я буду послѣ говорить.
Вы, старшіе царевичи! Вы оба
Любимые пособники мои,
Съ которыми, какъ съ лучшими друзьями,
Такъ счастливо привыкъ я раздѣлять
И сладкіе и горькіе плоды
Верховной власти! Я васъ знаю: вы
Для подвиговъ блестящихъ и высокихъ
Созрѣли; вы учились языкамъ,
Всемирную исторію читали;

Вы бойки нравомъ, тверды, какъ жельзо,
И вспыльчивы, какъ порохъ, вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои!
Обоимъ вамъ, Димитрій и Василій,
Я предлагаю чрезвычайный трудъ,
Едва ли не отчаянный: сыскать,
Гдѣ бъ ни было, Жаръ-Птицу и живую
Доставить мнѣ. Я спрашиваю васъ,
Согласны ли вы Ѹхать въ дальній путь,
Богъ вѣсть куда и въ чьи края?

ДИМИТРІЙ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧИ.

Мы рады,
Хоть сей же часъ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я это зналъ, друзья!
Предвидѣлъ я, что будетъ вашъ отвѣтъ
Рѣшителенъ, спартански смѣлъ и кратокъ.
Вы рады, вы готовы сей же часъ,
Богъ вѣсть куда! Такъ человѣкъ, въ которомъ
И мудрая природа и наука
Окончили свое святое дѣло
Развитія божественной души,
Радушенъ, бодръ и свѣтель, онъ идетъ
Въ безвѣстный путь на подвигъ многотрудный.
Благодарю васъ, милые мои
Царевичи, сверитесь поскорѣе,
По-рыцарски — да тотчасъ и въ дорогу
Подъ утреннимъ сіяніемъ небесъ,

При вѣянии прохладного зефира.
Теперь же вы примите мой совѣтъ,
Отеческій, напутный. Ахъ, друзья,
Что наша жизнь? Она всегда виситъ
На волоскѣ, чуть держится, — тѣмъ паче,
Когда опасность... будьте осторожны,
Друзья мои, старайтесь не вездѣ
Храбриться иль отважничать. Берите
Терпѣніемъ, сноровкою, гдѣ можно
И хитростью. Обдумывайте строго
Свой каждый шагъ заранѣ, а потомъ
И дѣйствуйте, надѣясь на судьбу;
Не мѣшайте въ дорогѣ, особливо
Въ гостиницахъ, въ трактирахъ. Нѣжныхъ связей
Съ гульливыми красавицами, братства
Съ фиглярами, съ бродяжными жидами,
Съ цыганами, гудочниками — бойтесь!
Игорныхъ же бесѣдъ и академій,
И сволочи распивочныхъ домовъ,
Пожалуйста, бѣгите, какъ чумы;
Велите ваши сабли наточить,
Какъ можно лучше. Я же вамъ даю,
На всякий случай, пару самострѣловъ
Новѣйшаго устройства: въ три минуты
Быть 52 раза прямо въ цѣль!
Прехитрые!.. Возьмите по коню
Съ моей конюшни, ты «Кизляръ-Агу,»
Иль «Мустафу,» а ты, Василій, — «Негра!»

(Димитрій и Василій царевичи уходятъ).

VIII.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ И ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Мой другъ, Иванъ царевичъ! Ты со мной
Останься, мой милый сынъ, отцу
Единственной утѣхой и отрадой.
Ты молодъ: ты не силенъ перенесть
Опасности и всякия невзгоды
Далекаго и труднаго пути.
Тебѣ со мной не будетъ скучно. Я
Отдамъ тебѣ особенную часть
Правленія, которая полегче...
Бумажную; ты вникнешь, ты поймешь...
Да что же ты задумался и плачешь?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Царь-батюшка! Прости мнѣ эти слезы!
Могу ли я не плакать? Мнѣ досадно,
Что ты меня оставилъ одного
Въ презрѣніи. Я чѣмъ же хуже братьевъ?
За что же имъ широкая дорога
Добыть себѣ геройскихъ, свѣтлыхъ дѣлъ?
А я сиди, прикованный къ столу...
Позволь и мнѣ отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Никакъ нельзя, мой милый сынъ: ты молодъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ахъ, молодъ я — вотъ вся моя вина!
Я младшій братъ, но развѣ у меня
Глаза не блещутъ, сердце не играетъ,
И кровь кипитъ не бурно, и рука
Не пламенно хватается за мечъ,
При имени опасности и славы?
Нѣть! Душно мнѣ въ чертогахъ безопасныхъ,
Невыносимо горько: я хочу
Не этой жизни медленной, не этой
Работы вялой, смирной, я хочу,
Душѣ разгулу, сердцу впечатлѣній,
Необычайныхъ, рѣзкихъ, роковыхъ!
О, понимаю, страстно понимаю,
Что говорить мнѣ кровь моя!...

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Помилуй!
Что ты, мой сынъ! Ты вышелъ изъ себя!
Ты весь дрожишь, пылаешь; вижу я,
Самъ вижу я, куда тебя влечеть
Младой души лирическій порывъ!
Но выслушай, что я тебѣ скажу:
Не хочешь ты заняться, такъ сказать,
Словесностью, бумагами; не любишь
Смиреннаго, сидячаго труда
И письменныхъ обдумываній; я
Найду тебѣ работу поживѣе:
Вотъ хочешь ли, я поручу тебѣ
Верховное смотрѣніе за всѣмъ;

Ты будешь ъздить, будешь замѣчать,
Гдѣ что и какъ; ты будешь въ хлопотахъ,
Въ движеніи, ты станешь мнѣ изустно
Докладывать...

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Все это не по мнѣ!
Пусти меня отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А я одинъ останусь, милый сынъ!
Самъ посуди, я человѣкъ и смертенъ,
И я же старъ, и немощенъ, и хилъ:
Что ежели скончаюся въ то время,
Какъ нѣтъ изъ васъ ни одного при мнѣ?
Кто сбережетъ общественный порядокъ,
Нашъ царскій тронъ, казну? Ты знаешь чернь!
Она всегда глупа и легковѣрна,
Особенно въ рѣшительные дни:
Какой-нибудь отважный пустозвонъ
Расскажетъ ей безсмысленную сказку...
Въ набать ударить, кликнуть кличъ: толпа
Взволнуется кровавой суматохой,
И дикая, неистовая хлынетъ
Мятежничать. Несчастная страна
Наполнится усобицей, враждой
И всякою невзгодою, бѣдами
И гибелью. Тогда сосѣди наши,
Какъ воронъ крови, ждущіе раздора
Въ чужомъ народѣ, ото всѣхъ сторонъ,

Голодные и хищные, сберутся
Терзать мое наслѣдіе. Тогда
Что будетъ съ вами, сыновья мои?
Гдѣ вы себѣ пристанище найдете?
Такъ, я страшусь грядущаго! Предвижу
Несчастія...

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Вольно тебѣ страшиться,
Царь-батюшка! Еще ты, слава Богу,
Не дряхлый старецъ; немощи твои
Не велики и часто не замѣтны;
Ты свѣжъ и бодръ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Нѣть, то ли я былъ прежде!
Ахъ, молодость, зачѣмъ она прошла!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Пусти меня отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Нельзя, мой сынъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Не я ль тебѣ досталъ
Ея перо? А братья что поймали?

За что же я останусь? Сдѣлай милость,
Царь-батюшка, прошу тебя, молю,
Пусти меня: я знаю, что достану
И привезу тебе Жаръ-Птицу, знаю
И чувствую, что привезу навѣрно...
Я очень счастливъ, я ее поймаю.
Пусти меня отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Нѣтъ, не могу...

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ я умру съ тоски.
Сойду съ ума! Въ мечту объ ней такъ сильно,
Такъ пламенно влюбился я! Объ ней
Всегда, вездѣ, во снѣ и на яву,
И думаю и бrezжу день и ночь.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Вотъ то-то же, любезный сынъ, ты слишкомъ
Горячъ, способенъ чрезвычайно скоро
Въ мечту влюбляться: это очень вредно.
Опасно даже; мы нерѣдко видимъ...

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Какъ хорошо, какъ весело намъ будетъ!
Мы для нея на самомъ видномъ мѣстѣ
Построимъ домъ, какихъ немногого въ мірѣ:

Пространныя, высокія палаты,
Съ зеркальными окошками, съ крыльцомъ,
Украшеннымъ столбами въ два ряда;
А въ высотѣ, надъ пышною столбицей
Заблещутъ въ яркихъ, золотыхъ лучахъ,
Огромные, сочинены прекрасно,
Щиты: большая, бронзовая повѣсть
Чудеснаго ловленія Жаръ-Птицы,
И съ надписью: да знаетъ несомнѣнно
Всемірная исторія, что ты,
Въ такой-то годъ правленья твоего,
Соорудилъ такія-то палаты.
Когда жъ онѣ совсѣмъ готовы будутъ...

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я думаю, что можно ихъ поставить
Въ саду среди лужайки за прудомъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Мы сдѣлаемъ великолѣпный праздникъ,
Пиръ на весь міръ. Народу отовсюду
Тьма тьмущая, безоблачное небо,
День, дышащій прохладою весны;
Ужъ будетъ праздникъ! Звонъ колоколовъ
Всѣхъ колоколенъ мы въ единый гулъ
Торжественный, какъ въ колоколь единый,
Огромнѣйшій, гудящій громогласно,
Сольемъ — и надъ ликующимъ народомъ
Его подымемъ въ небѣ голубомъ!
Велимъ палить изъ пушекъ безъ умолку

И потчивать безчисленныхъ гостей
Обѣдомъ, яствами сахарными, медами,
Виномъ и пивомъ, вдоволь, до упаду;
А вечеромъ — музыка роговая,
Катанье, пляски, пѣсни, хороводы,
И блескъ и трескъ потѣшнаго огня!
Пусти меня отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ (подумавъ).

Жаль мнѣ съ тобой разстаться, милый сынъ,
А надобно: иначе мы другъ съ другомъ
Никакъ не сладимъ. Ты горячъ и пылокъ!
Ну, такъ и быть, ужъ поѣзжай и ты!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Что слышу я, царь-батюшка! Я Ѳду,
Я отыщу Жаръ-Птицу непремѣнно,
И привезу ее тебѣ живую!
Царь батюшка, прощай же, я не долго...
Не стану медлить, я готовъ въ дорогу,
Сейчасъ же Ѳду! Скоро мнѣ коня!

(Уходитъ).

IX.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (въ лѣсу, Ѳдетъ верхомъ).

Не весело мнѣ Ѳхать! Этотъ лѣсъ
Большой, дремучій, мрачный и, какъ видно,
Принадлежащій царству тишины,

Несносно-скученъ! Ёду третьи сутки,
И много ужъ проѣхалъ, а ни съ кѣмъ
Не встрѣтился и ничего не видѣлъ,
Кромѣ лѣсной дороги да небесъ,
Протянутыхъ, какъ лента голубая,
Высоко, въ даль за мной и предо мной.
Какая глуши! Здѣсь мертвое молчанье
И непробудный сонъ: въ тиши лѣсной
Не свиснетъ птичка, лѣшій не аукнеть;
Лишь изрѣдка скакунъ мой удалой
Встряхнетъ своей нахмурой головой,
И забренчить опущенной уздой,
Или къ кремень стальнымъ копытомъ стукнеть.
И ты, мой конь, задумался... грустишь?
Не унывай, товарищъ! не всегда же
Поѣдемъ мы такимъ дремучимъ лѣсомъ!
Бодрѣе будь! надѣйся несомнѣнно:
Куда-нибудь нась выведетъ дорога
Куда нибудь выходитъ же она!
Мой добрый конь, повесели меня!
Разбудимъ лѣсъ громоподобнымъ стукомъ
Твоихъ копыть, укоротимъ дорогу,
Твоимъ широкимъ скокомъ! Ну, мой конь,
Неси меня, порадуй господина,
И рѣзвымъ вѣтромъ бѣга твоего
Отвѣй тоску отъ головы его! (Скачетъ).
Вотъ этакъ лучше! Вотъ ужъ и поляна!
И три дороги на три стороны,
И столбъ стоитъ, и на столбѣ слова.
Посмотримъ, что имѣеть онъ сказать! (Читаетъ).

«Ежели кто поѣдетъ отъ сего столба прямо, тотъ
будетъ голоденъ и холodenъ; кто же поѣдетъ въ

правую сторону, тотъ будетъ здоровъ и живъ, а конь его убить; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ будетъ убить, а конь его живъ и здоровъ будетъ».

Куда жъ мнѣ тѣхать? прямо отъ столба?

Я не люблю, я вовсе не способенъ

Ни голодать, ни холодать. Направо?

Жаль мнѣ коня! Да и себя мнѣ жаль:

Итти пѣшкомъ... умаешься, устанешь!

Потомъ лежи и отдыхай, потомъ

Опять иди и снова отдыхай.

Нѣтъ, это скучно, мѣшкотно; а я

Сказалъ отцу, что скоро ворочусь

Съ Жаръ-Птицею, я долженъ торопиться.

Куда жъ мнѣ тѣхать? Развѣ ужъ налѣво,

Чтобы меня убили... а мой конь,

Мой вѣрный, добрый конь, надежный мой товарищъ,

Остался бы покинутымъ подъ верхъ

Разбойнику? Нѣтъ, этого не будетъ.

Нѣтъ! добрый конь, сворачивай направо:

Я не люблю пророчествъ никакихъ,

Не вѣрю имъ: я знаю, врутъ они.

X.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (въ лѣсу сидить).

Чтобъ у тебя всегда болѣли зубы.
Проклятый волкъ! Ты самый хищный звѣрь!
Чѣмъ я тебя обидѣдъ, огорчилъ,
Что ты зарѣзалъ моего коня,
Товарища и друга моего?
Чѣмъ виновать онъ? Голоденъ ты что ли?

И малъ тебѣ пространный этотъ лѣсъ
Ловить твою несчастную добычу?
Нѣтъ! такъ ужъ ты и жаденъ и свирѣпъ!
Мой добрый конь! какъ тѣшилъ онъ меня!
И не за то ль озлился на него
Ты, лютый звѣрь, что на твоей дорогѣ
Такъ весело и смѣло онъ скакалъ
И громко топалъ бурными ногами,
Что растревожилъ самого тебя
И все твое зеленое жилище?
Какъ я усталъ! А долго ли я шелъ,
И много ли прошелъ я? То ли было...
Ахъ, добрый конь мой, что я безъ тебя?
Проклятый волкъ осиротилъ меня!

XI.

(Изъ лѣсу выходитъ сѣрый волкъ).

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Прости меня. Иванъ царевичъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Что ты?

Прочь отъ меня, разбойникъ! прочь поди!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Мнѣ жаль тебя, Иванъ царевичъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Поздно

Ты обо мнѣ жалѣешь.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Право жаль,

И знаешь ли? Вѣдь я почти невиненъ,
Что твоего коня я растерзalъ:
Я только былъ орудіемъ судьбы
И дѣйствовалъ невольно, исполня
Ея законъ, жестоко непреложный.
Ты помнишь, что предсказывалъ тебѣ
Дорожный столбъ? Ты выбиралъ дорогу,
Но будь спокоенъ: я тебѣ слуга,
Хочу помочь твоей большой бѣдѣ,
И помогу: садись-ко на меня,
И поѣзжай на мнѣ, куда угодно,
Какъ на конѣ, на самомъ удаломъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Пожалуй, я отъ этого не прочь,
Чѣмъ мнѣ пѣшкомъ тащиться. Хорошо!
Будь мнѣ конемъ. Вотъ видишь ли въ чемъ дѣло:
Меня послалъ царь-батюшка достать
И привезти ему Жаръ-Птицу: такъ вези
Меня туда, въ то царство, понимаешь?
(Садится верхомъ на волка).
Ну, я совсѣмъ! Несись во весь опоръ,
Мой сѣрый конь, мохнатый мой скакунъ!

XII.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Пріѣхали! Слѣзай съ меня, мой витязь!
Вотъ черезъ эту каменную стѣну
Перебирись; а тамъ въ саду Жаръ-птица.
Давно ужъ ночь, уснули сторожа;
Иди себѣ, не бойся ихъ ни мало:
Они обыкновенно крѣпче спятъ,
Чѣмъ прочія хранительныя власти.
Да вотъ тебѣ совѣтъ мой: ты Жаръ-Птицу
Бери смѣлѣй, во снѣ она смирна,
И вынь ее изъ клѣтки золотой,
И унеси, а клѣтку золотую
Оставь, какъ есть, не тронь ее, она
Съ механикой, со штукой, отъ нея
Звончата, чувствительныя струны
Проведены къ дворцовымъ карауламъ;
Онѣ какъ разъ подымутъ шумъ и крикъ,
Тогда тебѣ не миновать бѣды!

XIII.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ И СКАЗОЧНИКЪ.

(Царь Долматъ лежить на кровати, передъ нимъ на полу сидить сказочникъ).

СКАЗОЧНИКЪ.

Былъ чудный царь, великий безпримѣрно;

Задумалъ онъ народъ свой просвѣтить,
Народъ, привыкшій въ захолусты жить,
Почти безкнижный, очень суевѣрный
И закоснѣлый въ рабствѣ. Какъ съ нимъ быть?
Царь былъ премудръ и началь онъ сначала:
Сталь самого себя онъ просвѣщать —
И благодать Господня возсіяла
Ему, наукъ живая благодать.
Но этого казалось недовольно
Тому царю, единому въ царяхъ:
Оставилъ онъ вѣнецъ и градъ престольный,
Пошелъ узнать въ далекихъ сторонахъ
Все нужное для своего народа;
И все узналъ онъ собственнымъ трудомъ,
И ко своимъ пришелъ, равно знакомъ
Съ вожденьемъ царствъ и звѣзднымъ чертежомъ,
Съ порядкомъ битвъ и стрѣлкой морехода,
Съ ножомъ врача, съ киркой и долотомъ!

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Вотъ хорошо! Люблю такія сказки,
Спокойныя, гдѣ творческій талантъ
Ведетъ меня къ назначенной мечтѣ
Прямымъ путемъ; и мнѣ тогда легко:
Я слѣдую за нимъ, не утомляясь,
Бровей не хмуря, думаю подробно
О всемъ, что мнѣ рассказываютъ; ясно
Соображаю, какъ и въ чёмъ тутъ дѣло,
И сказка вся съ начала до конца
Передо мной ложится на виду.
И любо мнѣ и сладко, что я понялъ

Всѣ хитрости, которыя талантъ
Употребилъ въ ней, свойственно своей
Возвышенной природѣ создавать
Умно. Межъ-тѣмъ часы едва замѣтно
Идутъ, идутъ и благотворный сонъ
Мои зѣницы тихо закрываетъ,
И долго, долго въ самой сладкой нѣгѣ
Меня лелѣтъ. Поутру проснусь
Здоровъ и свѣтлъ. Тутъ-то я доволенъ,
Что слушалъ сказку; тутъ-то я вполнѣ
И чувствую ивижу на себѣ.
Какъ нужны и пріятны человѣку
Словесныя искусства и талантъ,
Развившійся въ порядкѣ. Продолжай!
Нѣтъ, погоди! Я слышу... Такъ, звонять!
И крикъ и шумъ, неужели пожаръ?
Охъ! Я боюсь пожара, какъ огня!

XIV.

ТѢ ЖЕ И СТРАЖА СЪ ИВАНОМЪ ЦАРЕВИЧЕМЪ.

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Что за тревога? Что за крикъ и шумъ?

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Все слава Богу! поймали вора
Въ твоемъ саду: хотѣлъ унести Жарь-Птицу.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Сковать его, въ тюрьму его скорѣе!
Судить его шемякинскимъ судомъ!..
Ко мнѣ его сю жъ минуту!..

(Вводятъ Ивана царевича).

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Вотъ онъ!

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Кто ты таковъ?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я сынъ царя Выслава,
Иванъ царевичъ.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Сынъ царя Выслава...
Андроновича что-ли?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Точно такъ!

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Послушай, другъ мой, какъ тебѣ не стыдно
Птицъ воровать! Твое ли это дѣло?
Вѣдь ты царевичъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я не виноватъ...

Меня послалъ царь-батюшка поймать
И привезти ему Жарь-Птицу; намъ
Она премного сдѣлала вреда:
Изволила повадиться въ нашъ садъ
По яблоки завѣтныя, и яблонь
Испортила, хоть брось... Меня послалъ
Царь-батюшка...

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Такъ развѣ ты не могъ
Не воровски, а честно и почтенно
Достать ее? Ты просто попросиль бы:
Тогда бы я, принявъ въ соображеніе,
Что твой отецъ извѣстный государь,
Что ты Иванъ царевичъ, сынъ его,
Рѣшился бы по милости моей
Тебѣ отдать, пожаловать Жарь-Птицу.
Ты поступиль иначе. Что жъ ты взяль?
Тебя жъ поймали, привели на судъ
Передъ царя, и что царю угодно,
Тому и быть съ тобою! Я бы могъ
Тебя жестоко, славно проучить

За дерзкій твой поступокъ; я бы могъ
Провозгласить торжественно и громко
Во всѣхъ газетахъ, что такой-то
Иванъ царевичъ, сынъ царя Выслава,
Воруетъ птицъ и пойманъ, уличенъ
И прочее; я могъ бы сверхъ того
Еще нанять, положимъ хоть десятокъ
Ученыхъ и безсовѣстныхъ мужей,
Чтобы они особенные книги
Писали и печатали вездѣ
О томъ, что ты не годенъ никуда:
Тебя разсмотрятъ, разберутъ, обсудятъ,
Опишутъ съ головы до ногъ, и все,
Что про тебя узнать и сочинить
Возможно, все узнается и будетъ
Разглашено отъ Кяхты до Багдада,
Отъ Колы до Помпеева столба!
Потомъ изъ тѣхъ газетъ и книгъ, мой милый,
Ты перейдешь въ пословицу, а тамъ
Того и жди, что именемъ твоимъ
Бранчивыя старухи на торгу
Кидать въ мальчишекъ станутъ, словно грязью:
Но я не строгъ, я пощажу тебя
За то, что ты извѣстной царской крови,
И что твои уста окружены
Не жесткими, свирѣпыми усами
И бородой, а мягкимъ, нѣжнымъ пухомъ;
Я пощажу тебя, Иванъ царевичъ,
Когда ты мнѣ дашь слово, что ты мнѣ
Сослужишь службу; я прошу тебя
И сверхъ-того отдать тебѣ Жаръ-Птицу,
И ты со мной разстанешься, какъ съ другомъ,

И выѣдешь изъ царства моего
Въ большомъ почетѣ, какъ высокій гость,
Какъ сынъ царя, съ которымъ я желаю
Вести пріязнь и дружбу.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я согласенъ.
Какая жъ это служба?

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Вотъ какая:
Есть царь Афронъ, и у царя Афрана
Есть превосходный, златогривый конь;
Такъ ты достань мнѣ этого коня,
А не достанешь: нѣтъ тебѣ пощады!
Согласенъ ты на это?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я согласенъ.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ

И слово мнѣ даешь, что непремѣнно
Добудешь златогриваго коня,
И мнѣ его отдашь?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Даю и слово.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Итакъ прощай же, будь здоровъ и дѣйствуй.
Ты — молодецъ. Прощай, Иванъ царевичъ!
(Иванъ царевичъ уходитъ).

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Досказывай же сказку: спать пора!

СКАЗОЧНИКЪ.

Царь былъ великъ: такъ нечemu дивиться,
Что многіе не поняли его
И вздумали за старое вступиться,
За глушь непросвѣщенья своего,
И заговоръ составили кровавый
Противъ царя, который, какъ отецъ,
Смиряль строптивость грубыхъ ихъ сердецъ,
Открылъ для нихъ дорогу свѣтлой славы
И цѣлый міръ возвышенныхъ трудовъ
Для ихъ ума, любившаго дотолѣ
Бездѣйствіе, сидѣніе въ неволѣ,
Завѣщанной отъ ихъ же праотцовъ, —
И заговоръ составили кровавый...
Но Царь другой, Тотъ, Коего законъ
Выводитъ день и ночь на небосклонъ,
Хранить небесъ порядокъ величавый,
Кто далъ намъ жизнь и душу сотворилъ, —
Тотъ... подвиги и мысли свѣтозарны
Великаго царя благословилъ...
И замыселъ не удался коварный;
А между тѣмъ.....

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Прекрасная и нравственная сказка!

(Сказочнику).

Мнѣ кажется, тутъ можно перервать
Разсказъ: тутъ, вѣрно, будетъ переходъ
Къ чему-нибудь дальнѣйшему. Довольно!
Я засыпаю, ты молчи и спи!

XV.

ТРАКТИРЪ.

ХОЗЯЙКА И ДВОЕ ГОСТЕЙ.

(Хозяйка сидитъ у окна за книгой).
ГОСТИ (перестаютъ играть въ карты).

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Уфъ, я усталъ, я не моту играть!
Сегодня полно! — Битыхъ семь часовъ
Мы не вставали съ мѣста — это слишкомъ!
И вѣчно я проигрываю! Точно
Мнѣ на роду написано погибнуть
Отъ рукъ твоихъ, любезнѣйшій!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Сегодня
Тебѣ несчастье: какъ же быть, мой другъ?
День на день не приходится. Фортуна

Непостоянна, вѣтрана. Ты помнишь,
Какъ я тебѣ проигрывалъ?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Да, помню,
И есть чѣмъ хвастать! Это капля въ морѣ,
Въ сравненіи съ моими векселями.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Вольно жъ тебѣ играть на векселя!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

А гдѣ мнѣ взять наличныхъ, если нѣть ихъ!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Извѣстно гдѣ: имѣнье заложи!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Заложено.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Продай его.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Задаромъ?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Не хочешь ли, я у тебя куплю?
Я дамъ тебѣ не дешево. Скажи,
Почемъ ты простишь за душу? Рѣшайся:
На чистоганъ игра повеселѣе.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Да чище ли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Ты шутишь очень мило.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я не шучу!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Ну, вотъ ужъ и надулся!
Какъ будто самъ ты новичокъ въ игрѣ,
Какъ будто я сегодня въ первый разъ
Играль съ тобою. Мы давно знакомы,
Мой другъ, — ты самъ не ангель чистоты
По этой части; перестань сердиться!
Сыграемся хоть завтра же.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Прибавь

Сего́дняшній мой проигрышъ къ тому,
Что у тебя записано за мною.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

(Записываетъ к показываетъ ему книжку).

Смотри же самъ. Такъ, кажется?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Такъ точно (встаетъ).
Какъ я усталъ, и голова болить!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

(Встаетъ и подходитъ къ хозяйкѣ, припѣвая).

«Конченъ, конченъ дальній путь
Вижу край родимый!
Сладко будетъ отдохнуть
Мнѣ съ подругой милой.»

Я говорю, что наша Кунигунда
Красавица, что у нея глаза
Чудесные, румянецъ самый свѣжій,
Приманчивый, что славно управляетъ
Она своимъ трактиромъ, знаетъ свѣтъ,
Всегда одѣта чисто, новомодно,
И сверхъ того добра, литературна,
Читала всѣ новѣйшие романы.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я не хочу тебѣ противорѣчить,
Хотя и могъ бы; я и самъ люблю
Прелестную, живую Кунигунду,
И чувствую, что я имѣю честь
Принадлежать къ числу людей, къ которымъ
Она весьма нѣжна и благосклонна.
Я не хочу, а могъ бы доказать,
Что красота ея непостоянна,
Что поутру она совсѣмъ не то,
Что вечеромъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Неправда!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я сужу
По собственнымъ моимъ соображеньямъ:
Ей по утрамъ не должно бы казаться
Своимъ гостямъ; она бы несравненно
Сильнѣе волновала нашу кровь:
Она у насть вечерняя звѣзда,
А по утрамъ ей лучше бъ не всходить
На горизонтъ: тогда у ней лицо
Не хорошо... болѣзненнаго цвѣта,
Не весело и даже какъ-то жестко
На взглядъ, не сладко; вялые глаза
Не свѣтятся, оттѣнены жестоко
Лазурными дугами; грудь болитъ

И шаткая и вялая походка.
А вечеромъ смотри, какая прелестъ!
Плѣнительна, какъ молодость, бѣла,
Румяна, какъ бѣлила и румяна,
И всякаго готова соблазнить.

ХОЗЯЙКА.

Вы очень глупы, и всегда равно
И поутру и вечеромъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Онъ проигрался, и сердить на всѣхъ:
Не обижайся! Это не надолго!

(Входить еще гость).

А, здравствуйте! — Я васъ давно искалъ
Желалъ васъ видѣть...

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Поздравляю васъ
Съ находкою и вмѣстѣ съ исполненiemъ
Желанія!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Какъ шла у васъ игра?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Что новаго?

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Въ газетахъ, ничего.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

А въ письмахъ?

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Въ письмахъ то же, что въ газетахъ!

Однако жъ есть и новость: говорять,
Что будутъ къ намъ, на этой же недѣлѣ,
И проживутъ у насъ до бѣлыхъ мухъ
Два иностранца — два родные брата
И богачи, — и денегъ не, жалѣютъ;
А странствуютъ *incognito*: одинъ
Подъ именемъ Мельмата, а другой
Подъ именемъ второго Казановы!
Они любезны, милы, мастерски
Танцуютъ, любятъ веселиться.
Играютъ въ вистъ и по большой.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

А въ банкъ?

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Объ этомъ я не знаю; но, конечно,
И въ банкъ играютъ; ъздятъ же они,
Какъ слышно, для ученыхъ розысканій

О птицахъ. Впрочемъ это пустяки!
Они богаты, молоды и просто
Таскаются пр разнымъ государствамъ
И городамъ, чтобъ деньги разорить,
А между тѣмъ и время провести
Съ пріятностю не въ сидячей жизни.

(Подходить къ Кунигундѣ).

Я радуюсь, что вижу васъ опять
Здоровыми попрежнему. Я слышалъ,
Отъ вашего дворецкаго, что вы
Больны не въ шутку — вѣрдо простудились.
Позвольте вамъ замѣтить: вы себя
Не бережете...

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Я согласенъ съ вами,
Что ей бы не мѣшало обходиться
Съ своимъ здоровьемъ нѣсколько скромнѣе, —
Хоть ради насъ.

ХОЗЯЙКА.

Я не была больна.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ (къ первому, смотря на часы).

Для васъ же лучше. — Не пора ли намъ
На балъ, теперь давно десятый часъ!

ДИМИТРІЙ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧИ (ВХОДЯТЬ).

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Шампанского и трубку табаку!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Шампанского! (Садится). Пора намъ отдохнуть —
Жарь, вѣтеръ, пыль, претрясая дорога
Мосты чуть живы; мерзкій перевозъ,
Гора крутая...

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Смѣю ли спросить,
Вы только что прїехали?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ точно;
Несносная, смертельная ъзда,
Особенно, гдѣ гати!..

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Ваша правда.
У насъ дороги, очень, очень плохи.
Могу ль узнать, откуда вы?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Изъ Дувра.

Мы ъездили по западу Европы;
Мы странствуемъ — пріѣхали и къ вамъ.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Какая цѣль поѣздокъ вашихъ?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Все,

Особенно же птицы. Намъ бы нужно.
Найти одну рѣдчайшую... Да здѣсь
Едва ли есть такія птицы: здѣсь
Климатъ холодный, и сама природа
Весьма обыкновенная.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

У насъ
Нѣть рѣдкихъ птицъ: индѣйки, гуси, галки...

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Дрозды, сороки, воробыи...

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Грачи...

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Тетерева и прочія простиа...

(Приносять вино и бокалы).

ВАСИЛИЙ ЦАРЕВИЧЪ (наливая).

Угодно вамъ шампанскаго?

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Позвольте

Поздравить васъ съ пріѣздомъ!

(Къ первому и второму).

Господа,

Васъ просятъ пить шампанское!

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ГОСТИ (пьютъ).

Съ пріѣздомъ!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Вино не дурно. Здѣшняя хозяйка

Извѣстна тѣмъ, что погребъ у нея

Отличнѣйший — всѣ вида выписныя!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

И тѣмъ еще, что и сама она

Прекрасна и любезна. Кунигундой

Зовутъ ее.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасное вино!

ХОЗЯЙКА.

Я никогда не подаю дрянного;
Пошлюсь на всѣхъ.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

А знаете ли вы,
Любезная, какимъ изъ вашихъ винъ
Вы, можете похвастать?

ХОЗЯЙКА.

Я не знаю:
Всѣ хороши!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Какое лучше всѣхъ?

ХОЗЯЙКА.

Ей-ей не знаю. Я не пью вина.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

А я такъ знаю! Это — вашъ рейнвейнъ,
Такой рейнвейнъ, что этакаго мало

И за границей. Вотъ такъ ужъ вино!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Подать рейнвейну!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

И зеленыхъ рюмокъ!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Скажите мнѣ, здѣсь весело живутъ?

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Порядочно: умѣютъ ъсть и пить:
Съѣзжаются на балы, на обѣды;
Есть много ловкихъ, молодыхъ людей,
И здѣшнихъ и пріѣзжихъ; есть игра:
Висть, экарте, направо и налѣво...

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Все это мило. Стало-быть, у васъ
Гражданственность довольно развита!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Такъ, въ городахъ, которые побольше,
А въ маленькихъ не очень; да нельзя
И требовать, чтобы такъ скоро; впрочемъ

И тамъ уже замѣтенъ шагъ впередъ:
И тамъ уже трефоль и ерофеичъ
Успѣшно выгѣсняются мадерой,
Полушампанскимъ, ромомъ; три листа
И горка — вистикомъ и банчикомъ; и тоже
Бывають танцы...

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Есть у васъ театръ?

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Театра нѣтъ. Зато къ намъ пріѣзжаютъ
Заморскіе фигляры, прыгуны
И оптики. (Приносять вино). Вотъ рейнвейнъ!
(Смотритъ на бутылку). Тотъ самый.

(Пьютъ).

Не правда ли, отличное вино?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Да, хорошо, хотя и молодое!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Къ намъ не доходитъ старое вино.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

А молодое здѣсь не долговѣчно.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Да, можно похвалиться, что у насъ
Пьютъ сильно.

ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Почему же и не пить,
Когда есть деньги!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

У меня до васъ
Покорнѣйшая просьба.

ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Говорите,
Я очень радъ...

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Вотъ вмѣстѣ съ нами, — я ручаюсь вамъ,
Что балъ прекрасный, — я васъ познакомлю
Съ хозяиномъ; онъ добрый старичокъ
И хлѣбосоль, и мастеръ угостить;
Жена его любезна, молода, —
Поѣдемте! Тамъ весело, тамъ будетъ
Весь городъ; вы увидите всѣхъ нашихъ
Красавицъ, — есть премилыя, — рѣшайтесь!
Всѣ васъ полюбятъ, примутъ, какъ родныхъ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Намъ надобно съ дороги отдохнуть.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Вы послѣ отдохнете — и съ дороги
И съ балу разомъ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я почти согласенъ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

И я согласенъ. Ёдемъ, такъ и быть.
Но пойдемъ переодѣться. Кунигунда!
Намъ комнату!..

(Димитрій царевичъ и Василій царевичъ уходятъ).

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Не слишкомъ наряжайтесь.
Всѣ знаютъ, что вы прямо изъ коляски.
Пріятное знакомство...

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Мнѣ они
Понравились, — особенно вотъ этотъ,
Что потчивалъ шампанскимъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Молодцы!
Какъ вѣжливы, какое обхожденье,
Привѣтливость и ловкость!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Какъ умны,
Учены, добры, милы!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Не жеманны;
Я полюбиль ихъ, только-что они
Вошли.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Я также, и тотчасъ узналь,
Что это люди первого разбора,
Вѣдь хорошо я сдѣлаль...

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Что на балъ
Уговорилъ ихъ? очень хорошо!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Мнѣ хочется, чтобы они у насъ
Какъ можно дольше пробыли; они

Любезные, порядочные люди,
Богатые; ихъ надобно ласкать,
Умѣть цѣнить ихъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Это мы сумѣемъ!
Лишь только бъ намъ ихъ заманить въ игру,
Сначала помаленьку и прохладно,
А тамъ знай нашихъ!...

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Мы гостепріимны.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Не должно вратъ...

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Ты самъ остерегайся!
Ты по вранью здѣсь первый человѣкъ!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Нѣть извините — вы себя забыли!
Какая скромность!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Что вы, господа!

Вы не поссорьтесь! Чу! они идутъ.

(Димитрій царевичъ и Василій царевичъ приходятъ).

ТРЕТИЙ ГОСТЬ (подаєть имъ шляпы).

Вотъ ваши шляпы! Мы на балъ пріѣдемъ,
Какъ слѣдуетъ, не рано и не поздно.

(Всѣ уходяте).

XVI.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ (одинъ).

Мнѣ нравится мой витязь! Онъ красавецъ,
Смѣль, добродушень, жизненная сила
Въ немъ весело играетъ и кипитъ,
Въ немъ лишь одно не ловко, не похвально
И мнѣ прискорбно: онъ мои совѣты
Позабываетъ въ самое то время,
Какъ долженъ ихъ исполнить! Молодъ онъ,
Неостороженъ, а бѣда какъ тутъ!
Но это я прощаю. Человѣкъ
Всегда таковъ, покуда самъ собой
Не испыталъ и послѣ не обдумалъ
Всѣхъ случаевъ опасныхъ и несчастныхъ,
Которые возможны, поколику
Они возможны. Я того и жду,
Что онъ опять забудеть мой наказъ:
Онъ соблазнится золотой уздой,
Возьметъ ее и сдѣлаетъ тревогу!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Прости меня, мой добрый сѣрый волкъ!
Я виноватъ, опять впросакъ попался.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Вотъ молодость! Она воображаетъ,
Что ей довольно всюду и всегда
Одной своей незрѣлой головы.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я со стѣны спрыгнулъ благополучно,
Все было тихо, на дворѣ широкомъ
Покоился крѣпчайшій караулъ
Въ объятіяхъ весенняго Морфея;
Я шелъ, тверди въ умѣ твои слова:
«Не брать узды, не брать узды!» и этакъ
Добрался до конюшни, и въ нее
Вошелъ, взглянуль: а на стѣнѣ узда!
Я и теперь еще не понимаю,
Какъ я тогда смѣшался, я забылъ
И твой приказъ... и самого себя, —
Вся въ дорогихъ каменьяхъ, въ жемчугахъ
И золотая — отъ нея лучи! —
Я протянулъ къ ней руки и лишь началъ
Снимать ее съ высокаго гвоздя, —
Вдругъ звонъ и крикъ, и страшная тревога!
Меня схватили молодцы, и прямо
На судъ, какъ разъ передъ царя Афона;
Царь вспыхнулъ, расходился и меня

Сердитыми вопросами осыпалъ.
Я отвѣчалъ ему чистосердечно,
Кто я таковъ, и для чего зашелъ
Въ его конюшню. Онъ, хоть и смягчился,
Но ужъ мыль, мыль мнѣ голову! Потомъ
Исторія похожая на ту,
Что у меня была съ царемъ Долматомъ:
И царь Афронъ даруетъ мнѣ прощенье,
Отдасть мнѣ златогриваго коня.
Когда ему я службу сослужу!
Вотъ видишь ты, въ чемъ дѣло: онъ влюбленъ,
И горячо, рѣшительно влюбленъ
Въ какую-то прекрасную Елену;
Онъ самъ принадлежить ей и желаетъ,
Чтобъ и она ему принадлежала,
Желаетъ страстно, жаждеть и кипить!
Такъ я взялся, даль рыцарское слово
Достать ему предметъ его любви.
Не знаешь ли, мой добрый, сѣрый волкъ,
Скажи ты мнѣ, что это за Елена?

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Верхъ совершенства, чудо красоты,
Любезности и вообще всего.
Что зажигаетъ въ сердцѣ молодомъ
Огонь любви прекрасной и живой.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Эге, ге, ге!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Ну, мой Иванъ царевичъ!

Я потружусь, я сослужу тебѣ
Большую службу, я тебѣ достану
Прекрасную Елену; а тебѣ
Ее похитить самому нельзя,
Повѣрь ты мнѣ. Садись-ка на меня,
Поѣдемъ мы въ то царство! Я тебя
Оставлю на дорогѣ одного
Во чистомъ, полѣ, подъ зеленымъ дубомъ!
Тамъ жди меня, я скоро ворочусь
Съ прекрасною Еленой, и тебѣ
Отдамъ ее руками.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Добрый волкъ!

А мнѣ было хотѣлось самому...
Да все равно, я на тебя надѣюсь
И буду ждать. (Садится верхомъ на волка).
Пошелъ же поскорѣе!

XVII.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (подъ зеленымъ дубомъ).

Свѣтла, чиста небесная лазурь;
Прохладенъ воздухъ; долы и холмы
Цвѣтутъ; стрекочетъ подмуравный міръ;
Журчатъ ручьи и свищетъ соловей.
Прекрасный день! Люблю тебя, весна!

Пора любви, красавица годинъ,
Свою нѣгой, свѣжестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь
Въ ней легкія и страшныя мечты
И помыслы, и весело они
Играютъ и летаютъ надъ землей
Въ благоуханномъ воздухѣ твоемъ
Подъ сводомъ неба ясно-голубымъ!

А что со мною будетъ, если волкъ
Меня обманетъ, убѣжитъ домой,
А я останусь пѣшъ и одинокъ...
Здѣсь, подъ зеленымъ дубомъ? Я не знаю,
Чье это царство и куда итти?
Жду не дождусь; теперь ужъ трети сутки
Кончаются съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня
Покинулъ здѣсь. О, нѣть! Онъ добрый малый,
Смѣлъ и проворенъ, служить мнѣ охотой,
Достанетъ онъ прекрасную Елену.
Верхъ совершенства! Стало-быть, она
Весьма громка своею красотой,
Когда извѣстна и въ глухи лѣсной!
Я буду волку вѣчно благодаренъ
За эту службу: ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь къ царю Афрону,
Отдамъ ему прекрасную Елену;
Возьму золотогриваго коня;
Потомъ отдамъ коня царю Долмату,
И получу желанную Жаръ-Птицу,
И съ этою блистательной добычей
Домой; домой, и прямо во дворецъ,
И батюшку на старости утѣшу!

XVIII.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ И СЪРЫЙ ВОЛКЪ СЪ ЕЛЕНОЙ.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Иванъ царевичъ, принимай руками
Прекрасную Елену, вотъ она!

(Кладеть ее на лугъ, она въ безпамятствѣ).

Она дорогой чувства потеряла,
Она чуть дышитъ, не глядить, чрезмѣрно
Испугана, потрясена ужасно:
Я такъ внезапно выхватилъ ее
Изъ тишины отеческаго сада,
Изъ круга милыхъ, молодыхъ подругъ,
Прислужницъ, нянекъ, мамокъ, и такъ быстро
Скакалъ съ мою ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная въ нѣгѣ и покоѣ,
Имѣла право обмереть со страху
И задохнуться на моей спинѣ;
А впрочемъ я берегъ ее, слегка
Придерживалъ зубами, чтобъ никакъ
Не узвить чувствительнаго тѣла.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (смотритъ на Елену).

Жестокъ ты, волкъ!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Небось, она очнется,
Дай только ей немножко отдохнуть.
И подлинно, прекрасная Елена!
(Смотря на нее).

Чудесный, безподобный идеалъ!
Изящное сліяніе живыхъ
Подробностей, оттѣнковъ и частей
И сладостныхъ округлостей съ живой
И сладостною мыслію всего
Созданія въ одно очарованье!
Иванъ царевичъ, посмотри сюда!
Какъ живописно съ этого чела
Прелестнаго упали эти кудри,
Волнистыя и мягкія, какъ шелкъ,
И черныя, какъ воронъ, птица ночи,
На бѣлизну и ясность молодую
Ея лица, на полноту грудей,
Высокихъ, пышныхъ, царственныхъ грудей!
Что за рѣсницы! Длинныя, густыя.
Глаза у ней! Ахъ, мой Иванъ царевичъ,
Я видѣлъ ихъ, я видѣлъ этотъ рай
Живительныхъ желаній и томленій.
Восторговъ, нѣгъ, отрадъ, самозабвеній,
Разнообразный, полный рай любви!
Глаза у ней больше, голубые,
И свѣтятся они такимъ огнемъ
И жгучимъ и умильнымъ, что я самъ...
Я, сѣрый волкъ... Прекрасная Елена!
Откройте ваши глазки, посмотрите:
Здѣсь не обидять вашей красоты,

Не бойтесь!

ЕЛЕНА (смотритъ кругомъ себя).

Что сдѣжалось со мною? Гдѣ я?..

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Худого съ вами ничего; а гдѣ вы? —
На это я могу вамъ отвѣтить
Лишь то, что вы находитесь теперь
За тридевять земель оттуда, гдѣ
Вы были дома.

ЕЛЕНА.

Я несчастная!.. Куда
Меня... Такъ точно, все это не сонъ.
Меня разбойники украли, я умру!..

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Разбойники! Прекрасная Клена!
Не бойтесь нась! Такіе ли бываютъ
Разбойники? Вотъ этотъ человѣкъ,
Вотъ этотъ витязь, посмотрите: онъ
Ни живъ, ни мертвъ, стоитъ, какъ полоненый,
Глаза потупилъ, руки опустились;
А отчего? Все оттого, что вы
Очнулися, вы... чудо красоты!
И онъ увидѣлъ ваши голубые
Глаза, и въ васъ влюбился всей душой.

А я, кто я? Я добрый, сърый волкъ
И нахожуся въ должности коня,
А иногда и въ должности посланца
У витязя, который передъ вами!
Я сърый волкъ и звѣрь, а не разбойникъ.

ЕЛЕНА.

Зачѣмъ же я похищена?

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

На это
Отвѣтить вамъ мой витязь. Вы не бойтесь!
Иванъ царевичъ тихъ и благонравенъ,
Застѣнчивъ даже; отвѣчай скорѣе,
Иванъ царевичъ, не робѣй, мой витязь!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Меня послалъ Царь батюшка поймать...
Достать ему чудесную Жаръ-Птицу...
И привезти...

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Прекрасная Елена!
Не будьте строги, улыбнитесь! Что вамъ
Одна улыбка! (Елена улыбается). Вотъ давно бы такъ!
Улыбка ваша, право, слаше меда.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

А ты какъ знаешь, что такое медъ?

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Признаться, по наслышкѣ. У меня
Былъ нѣкогда пріятель задушевный,
Медвѣдь, Кузьма Иванычъ, мой землякъ;
Окончивъ курсъ ученія въ Сморгонской
Гимназіи, онъ вышелъ изъ нея,
И странствовалъ съ повадыремъ, и много
Земель различныхъ видѣлъ, потѣшная
Людскую праздность пляскою своей;
Потомъ въ лѣса родные возвратился,
Сорвавшись съ цѣпи: такъ онъ говорилъ.
Онъ возвратился, правда, старикомъ,
Измученнымъ, беззубымъ; но зато
Преопытнымъ и мудрымъ, какъ Улиссъ.
Такъ отъ него-то многоя я узналъ
О медѣ и о свѣтѣ вообще.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, прекрасная Елена.
Вы страшно испугались въ ту минуту,
Какъ сѣрый волкъ похитилъ васъ изъ саду.

ЕЛЕНА.

Смертельно испугалась.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Мнѣ досадно,
Мнѣ больно, что усердный мой слуга
Такъ быстро мчаль васъ, впрочемъ, онъ боялся
Погони и поимки, торопился
Скорѣй ко мнѣ.

ЕЛЕНА.

Прошу васъ мнѣ сказать,
Зачѣмъ меня такъ неучтиво, странно
Похитили?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасная Елена!
Я васъ не зналъ, я полагалъ, что вы
Красавица, какихъ и я довольно
Видалъ; бывало, взглянешь на нее —
И вспыхнешь и пробудятся въ тебѣ
Волненія, восторги и мечты
Тѣлесныя и ровно ничего
Духовнаго: живѣе сердце, кровь
Живѣе... Ахъ, прекрасная Елена!
Ахъ, вы не то, нѣть: я увидѣлъ васъ
Спокойно, равнодушно; я хотѣлъ
Полюбоваться вами, посмотрѣть
Красавицу, которую такъ славятъ
Вездѣ и всѣ, а не влюбляться въ васъ.
И долго, долго я на васъ глядѣлъ
Безстрастно и свободно; но потомъ

Лишь только вы очнулися и взгляды
Мои впалися въ ваши, я не знаю,
Что сдѣлалось со мной! Затрепеталъ
Я трепетомъ нечувственнымъ; во мнѣ
Творилось что-то новое; мнѣ было
И радостно, и страшно, и легко;
Я полонъ сталъ невыразимой нѣги,
Сладчайшей и высокой; полонъ стала
Невыразимой силы, тишины
И ясности блаженства неземного!
Казалось мнѣ, что бытіе мое
Не прежнее, что въ бытіе иное
Перенесенъ я, въ дивный, чистый міръ
Гармоніи и свѣта! Я люблю!
Я васъ люблю, прекрасная Елена,
Люблю васъ каждымъ помысломъ души,
И каждымъ чувствомъ сердца васъ люблю;
Все, чѣмъ живу и движусь, чѣмъ я мыслю,
Желаю, вѣрю и надѣюсь, все,
Все это — ваше; вы мой свѣтлый рай,
Моя звѣзда, мое предназначенье;
Вы — мнѣ отвѣтъ на роковой вопросъ:
Быть иль не быть? Прекрасная Елена!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Иванъ царевичъ! не пора ль тебѣ,
Къ царю Афрону вымѣнять коня?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Поди ты прочь съ твоимъ царемъ Афрономъ!

Ты видишь: мнѣ теперь не до него!
Оставь меня!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Ты сердишься, Юпитеръ...

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасная Елена! Я далъ слово
Царю Афрону васъ ему доставить:
Вотъ для чего похищены вы были
Вотъ этимъ волкомъ. Этотъ царь Афронъ
Вашъ давній, постоянный обожатель;
Скажите мнѣ, желаете ли вы
Къ царю Афрону?

ЕЛЕНА.

Я его не знаю...
Онъ сватался когда-то за меня,
И то заочно, я его не знаю.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ахъ! Не велите мнѣ васъ отдавать
Царю Афрону: онъ васъ не пойметъ,
Я лучше... Онъ не силенъ такъ любить,
Какъ я люблю васъ. Вы владѣйте мною:
Я васъ введу въ отеческій мой домъ,
Къ царю Выславу; онъ благословить
Мою любовь, я буду счастливъ вами,

Я буду вамъ повиноваться; буду
Всѣ ваши мысли, всѣ слова и взгляды,
Всю вашу волю свято выполнять,
Привѣтливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тѣмъ, что я вашъ. Прекрасная Елена!
Согласны вы?

ЕЛЕНА.

Я плѣнница, я жертва
Безпечности придворныхъ сторожей...
О, будь со мной, что надобно судѣть!
Я ей во всемъ смиренно отдалась;
Я не ропщу, я не могу желать
Къ царю Афрону...

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Я васъ поздравляю,
Прекрасная Елена, съ женихомъ,
Достойнымъ васъ по крови, по душѣ,
По сердцу, лѣтамъ, ростомъ и лицомъ!
Иванъ царевичъ, что же ты молчишь?
Счастливѣйший изъ смертныхъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Добрый волкъ!
Чѣмъ я могу тебя благодарить?
Я совершенно счастливъ! Это солнце
Любви мое; оно всѣ дни мои

Освѣтить ясно тихими лучами,
Согрѣеть нѣжно сладкой теплотой,
И дивною красою изукрасить,
И жизнію прелестной оживить.
Теперь домой! Послушай, милый волкъ!
Тебѣ не будетъ тяжело везти
Обоихъ насы? Вези насы легкой рысью!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Нѣтъ, мой Иванъ царевичъ, погоди:
Ты позабылъ, что надобно тебѣ
Добыть Жаръ-Птицу.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Какъ ее добудешь?
Отдать мою прекрасную Елену
Царю Афрону! Не отдамъ никакъ,
Ни за табунъ коней золотогривыхъ;
И ни за что на свѣтѣ не могу,
Да, не могу!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

А рыцарское слово?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (задумывается).

Что ты сказалъ? Ахъ, правду ты сказалъ!
Да, я несчастный, вотъ моя судьба!
Я полюбилъ... глубоко вдохновенно,

На весь мой вѣкъ прекрасную Елену...
И съ ней разстаться! И ее отдать!..
Я самъ умру! мнѣ легче умереть,
Чѣмъ одному скитаться по землѣ!

(Плачетъ).

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Не плачь, Иванъ царевичъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ахъ, мой добрый волкъ!
Какъ мнѣ не плакать? Слезы льются сами;
Мнѣ тяжело, смертельно тяжело...
Я гибну... я лишусь моей Елены!

ЕЛЕНА (плачетъ).

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Ужъ развѣ мнѣ вступиться въ ваше дѣло.
Прекрасная Елена?

ЕЛЕНА.

Добрый волкъ!
Спаси его, спаси обоихъ нась!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Я вамъ слуга, прекрасная Елена:
Спасу я васъ обоихъ, успокойтесь!

Садитесь-ка на съраго слугу!
Я повезу васть самой нѣжной рысью,
Прохладно и сохранно въ государство
Царя Афрана; тамъ, Иванъ царевичъ,
Найдемъ мы лѣсь, а въ томъ лѣсу поляну,
И въ той полянѣ мы одну оставимъ
Прекрасную Елену ненадолго.
Я обернусь прекрасною Еленой,
И ты отдашь меня царю Афрону,
И на своеемъ конѣ золотогривомъ
Туда пріѣдешь; я же у него
Останусь погостить, повеселиться
Не болѣе трехъ сутокъ, уѣгду,
И снова къ вамъ явлюся вамъ служить.

XIX.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ, ЕЛЕНА И СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

(въ лѣсу).

ЕЛЕНА.

Любезный волкъ! я буду вѣчно помнить,
Чѣмъ я тебѣ обязана, ты спасъ
Обоихъ насъ: благодарю тебя!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

И есть за что, прекрасная Елена!
Ахъ, еслибы вы видѣли, какъ я
Васъ представлялъ передъ царемъ Афрономъ!

Комедія! Когда Иванъ царевичъ
Покончилъ съ нимъ дѣла свои и вышелъ
Изъ комнаты, гдѣ приняты мы были
Блистательно и радостно и имъ
Самимъ и ловкой, пестрою толпой
Золотошвейныхъ царедворцевъ, — царь
Махнулъ рукой, и я осталась съ нимъ
Наединѣ. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть;
Я сѣла на диванъ подъ балдахиномъ,
Задумчиво склонилась головой
Къ высокой спинкѣ, очи и уста
Полузакрыла томнымъ выраженьемъ
Плѣнительной усталости, а руки
На бархатныхъ подушкахъ разметала;
Во всей во мнѣ была видна печаль,
Но тихая и нѣжная печаль,
Подобная тѣмъ тонкимъ и прозрачнымъ,
И мимолетнымъ вешнимъ облакамъ,
Которыми скрываетъ иногда,
Какъ бѣлой дымкой, пурпуры свои,
Свой пышный блескъ веселая денница.
Онъ преспокойно сѣль противъ меня,
И занимался долго созерцаньемъ
Моей всесовершенной красоты,
Безперестанно взглядами своими,
Смиренными и сладкими, на мнѣ
И медленно и мягко разсыпаясь.
Я видѣла, что я ему мила,
И что ему легко и хорошо.
Потомъ сказалъ: «прекрасная Елена!
Простите мнѣ любовь мою; она,
Отверженная... такъ неутомимо

Гнела мнѣ сердце, такъ немилосердно
Томила душу, такъ несносно-душнымъ
Мнѣ сдѣлала путь жизни, что я впалъ
Въ уныніе, оцѣпенѣнныe чувствъ,
Въ разладъ идей; я сталь угрюмъ, какъ ночь
Октябрьская ненастная, ослабъ
Душой и тѣломъ; только и желалъ,
Что умереть, — и наконецъ рѣшился!
Но вдругъ случилось!..» Тутъ онъ рассказалъ
Исторію, какъ ты, Иванъ царевичъ,
Къ нему пришелъ и какъ ты обѣщалъ
Достать ему предметъ его любви
Въ обмѣнъ на златогриваго коня.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Да, царь Афронъ — не промахъ: онъ хотѣлъ
Взять за коня прекрасную Елену!
Положимъ, что и дорогъ этотъ конь:
Онъ златогривый... всетаки онъ лошадь!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Онъ говорилъ мнѣ объ высокихъ чувствахъ
Которыя возобновились въ немъ
Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи ему сіяю,
Его кумиръ, звѣзда я небеса!
И говорилъ онъ многословно, жарко,
Игрой души влюбленный черезъ край,
И пѣной удалыхъ словокруженій
Кипѣла и блистала рѣчъ его.
Я слушала и слушала, и вдругъ

Мнѣ захотѣлось позабыться сномъ —
И я зѣвнула; онъ замѣтилъ это,
И замолчалъ и потихоньку вышелъ,
На цыпочкахъ, не смѣя и дохнуть.

ЕЛЕНА.

Онъ очень милъ.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Какъ всякий человѣкъ
Въ присутствіи красавицы, точь-въ-точъ
Такой, какъ вы, прекрасная Елена.
Я позабылась самымъ крѣпкимъ сномъ,
И долго имъ покоилась и встала,
Пробуждена горячимъ поцѣлуемъ
Полдневнаго сіянія небесъ.
Тотчасъ вокругъ меня засуетился
Игравый рой прислужницъ молодыхъ:
Передо мной наставили уборовъ
Съ три короба; во всемъ богатство, роскошь
И прелесть свѣжей выдумки и вкусъ.
Я нарядилась въ бездну жемчугу,
Въ тьму брилліяновъ, въ пышность и во блескъ!
И заняла, солнце красоты,
Въ окнѣ надъ садомъ, а сама запѣла:
«Лишь только занялась заря,
И солнце взошло вверхъ, горя,
И освѣтило земной кругъ,
Пошла пастушка съ стадомъ въ лугъ
Къ потоку чистыхъ водъ!»

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Тутъ есть и смыслъ; а то обыкновенно
Красавицы поютъ такую гиль,
Что право уши вянуть.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Царь Афронъ

Меня услышаль и ко мнѣ явился
Съ привѣтствіемъ; поднесь мнѣ пукъ цвѣтовъ,
Прелестныхъ ботаническихъ растеній,
И похвалилъ мой голосъ.

ЕЛЕНА.

Очень миль!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ человѣкъ лѣтъ сорока семи.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Обѣдали мы вмѣстѣ; онъ шутиль
Довольно остроумно, я смѣялась
Такъ неприворно, что онъ мнѣ сказалъ:
«Я радъ сердечно, что у васъ характеръ
Игривый и веселый — признаюсь:
Я не люблю красавицъ заунывныхъ,
Задумчивыхъ, томящихся и слезныхъ!»

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ въ этомъ правъ, я тоже не люблю...

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

По вечеру гуляли мы въ садахъ,
И по пруду каталися съ пальбой
И пѣснями, а прудъ быль освѣщенъ
Потѣшными огнями — вообще
Веселостей и блеску было вдоволь.

ЕЛЕНА.

И все ему не въ прокъ?

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Все суета!

Назавтра онъ водиль меня смотрѣть
Различныя полезныя постройки:
Теплицы, пчеловодство, домоводство
И прочее; онъ самъ мнѣ толковалъ
Что, почему и для чего; потомъ
Спросилъ меня, что болѣе всего
Мнѣ нравится въ его хозяйствѣ? Я
Глаза склонила и сказала тихо:
Молоденькие шленскіе барашки.
Тутъ царь Афронъ задумался, но вдругъ
Сжалъ руку мнѣ и на меня взглянуль
Такъ нѣжно, такъ любовно, такъ глубоко,
Что у меня кровь бросилась въ лицо!

Онъ мнѣ сказалъ: «прекрасная Елена!
Назначьте день, счастливѣйшій мой день,
Когда вполнѣ вы будете мою?
Угодно ли вамъ завтра?» Я смутилась,
И трепетно и робко отвѣчала:
«Я непротивна...» Мы пришли домой,
И онъ тотчасъ же отдалъ приказанье
Готовить праздникъ: онъ былъ внѣ себя
Отъ радости, что завтра наша свадьба.
День догоналъ, прекрасенъ вечеръ былъ:
Мнѣ захотѣлось походить по саду
И по полю, — онъ отпустилъ меня.
Окружена блестящею толпою
Прислужницъ, нянекъ, мамокъ и другихъ
Чиновъ придворныхъ, я въ саду гуляла
И вышла въ поле. Вдалекѣ чуть видно
Синѣлся лѣсъ, я сѣла на травѣ
И приказала имъ сѣсть; а сама
Въ то самое мгновеніе, какъ они
На землю опускались, вдругъ вскочила
И поминай какъ звали: прямо въ лѣсъ —
Тамъ обернулась въ свой родимый видъ,
И къ вамъ сюда, за тридевять земель,
Скорѣе вѣтра прибѣжалъ вашъ волкъ,
Попрежнему готовый вамъ служить.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ молодецъ! Знай нашихъ! Каково!

ЕЛЕНА.

Мнѣ жаль царя Афрана.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Ничего!

Утѣшится и вѣрно перестанетъ
Васъ обожать; самъ виноватъ: зачѣмъ
Влюбляется заочно...

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Милый волкъ!

Мнѣ полюбился златогривый конь!
Не можешь ли ты сдѣлать, ухитриться,
Чтобы и онъ остался у меня?
Вѣдь ты волшебный...

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Я люблю тебя,
Иванъ царевичъ, я готовъ на все,
Тебѣ въ угоду: буду златогривымъ
Конемъ. Ты за меня возьмешь Жарь-Птицу;
Я убѣгу я отъ царя Долмата,
И вновь тебѣ твой добрый сѣрий волкъ.

ХХ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ, ЕЛЕНА И СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Да, царь Долматъ не удалой наездникъ,
Не молодецъ: лишь я прибавиль бѣгу,
И вздыбился и бурно поскакалъ,
Онъ оробѣль, онъ задрожалъ, какъ листъ,
Поводья бросиль, вскрикнулъ: «помогите!»
И бухъ съ меня на землю — я и радъ,
Что съ нимъ легко раздѣлался — и мигомъ
Къ вамъ прибѣжалъ. Онъ Ѳздитъ очень плохо,
Ему не кстати златогривый конь!
Вотъ здѣсь мы остановимся: ты помнишь,
Иванъ царевичъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ,
Я встрѣтился съ тобою въ первый разъ,
Здѣсь разстерзаль я твоего коня,
И вотъ теперь до этого же мѣста
Довезъ тебя. Теперь есть у тебя
Ретивый конь; Жаръ-Птицу ты досталъ,
И сверхъ-того досталъ себѣ невѣсту
Прекрасную. На этомъ самомъ мѣстѣ
Разстанемся. Прощай, Иванъ царевичъ!
Мой витязь добрый, будь счастливъ во всѣхъ
Твоихъ дѣлахъ. Прекрасная Елена!
Живите съ нимъ любовно, не слабѣйте
Въ желаніи принадлежать ему,
Какъ золоту блескъ золота, веснѣ
Весенняя прохлада, лѣту лѣтній
Жарь и огню сіяніе денное;

Единственно и крѣпко будьте вы
Всегда здоровы, радостны; цвѣтите.
Прекрасная Елена, упивайтесь
Сладчайшими восторгами любви
И юности счастливаго Ивана
Царевича. А мнѣ теперь позвольте
Оставить васъ: и мнѣ пора домой
Въ мои родные горы и вертепы,
Въ затишныя поляны и лѣса.
Иванъ царевичъ, я тебѣ служилъ
Усердно! Вамъ, прекрасная Елена,
Служилъ усердно, весело мнѣ было
Вамъ угождать; не долги и легки
Казались мнѣ большіе серебѣги
И трудности, какія ради васъ
Переносилъ я; вы меня ласкали,
Мнѣ вѣрили, вы называли волка
Своимъ слугою милымъ и любезнымъ!
Я отслужилъ вамъ, я не нуженъ вамъ
Я не могу туда, гдѣ вы живете.
Прости меня, Иванъ царевичъ! Если
Я огорчилъ тебя когда-нибудь,
Неволею иль волей огорчилъ,
Прости меня и позабудь о томъ.
А ежели я былъ тебѣ полезенъ
Моею службой — ахъ, Иванъ царевичъ,
Не поминай же лихомъ ты меня,
Прошу тебя, когда тебѣ случится
Быть на охотѣ, и узнаешь ты,
Что псы твои залаяли по волку, —
Останови ихъ, не вели имъ гнаться
За нимъ, пусть онъ бѣжитъ въ свой лѣсъ

И поживеть еще на бѣломъ свѣтѣ.
Прощай, Иванъ царевичъ, добрый мой,
Прощайте...

(Убѣгаєтъ).

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ разжалобилъ меня,
До слезъ меня разжалобилъ, — мой вѣрный
Слуга, какого мнѣ ужъ не найти...
Я имъ доволенъ. (Плачетъ). Мы домой поѣдемъ;
Здѣсь недалеко. То-то будетъ радъ
Царь-батюшка. Онъ выйдетъ на крыльцо
Встрѣтить меня, онъ обойметъ меня,
И самъ заплачетъ сладкими слезами
Живѣйшаго восторга. Я скажу:
Царь-батюшка! я вамъ привезъ Жаръ-Птицу
И съ клѣткою, а вотъ моя невѣста,
Прекрасная Елена! Полюбите
Ее, она прекрасна и душой!
А этотъ конь — онъ златогривый конь, —
Большая рѣдкость! Онъ весьма хороши
Вамъ въ бѣговыя дрожки, онъ не дуренъ,
И рѣзвоногъ и крѣпокъ, добрый конь!
Ахъ, милая Елена! мой отецъ
Тебя полюбить — я любимый сынъ
Его — и я съ тобою буду жить
Такъ весело, такъ счастливо, что диво.
И что за садъ у моего отца
И яблоки единственные въ мірѣ!

XXI.

**ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ УБИТЫЙ, ЕЛЕНА, ДМИТРІЙ
ЦАРЕВИЧЪ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.**

ДМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ не ушла же ты отъ нашихъ рукъ,
Прекрасная, чудесная Жаръ-Птица!
И съ клѣткою! И златогривый конь,
И сверхъ того и эта прелестъ! Кто ты,
Несчастная, безъ друга и въ лѣсу?
Да полно плакать. Какъ тебя зовутъ?
Скажи скорѣе; а не то, ты знаешь,
Ты видѣла, что мы шутить не любимъ.
Ну, кто же ты?

ЕЛЕНА.

Прекрасная Елена!

ДМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасная Елена! Слышишь, братъ?
Прекрасная Елена! Вотъ она!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Та самая Елена, о которой
Молва кричитъ во всѣ свои уста,
Что на землѣ нѣть ровно ничего
Подобнаго ей красотою.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты ли

Та самая? Скорѣе отвѣчай,
Не бойся!

ЕЛЕНА.

Я прекрасная Елена.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ (смотреть на нее).

Такъ какъ же быть: кому изъ насъ обоихъ,
Любезный братъ, принадлежить она?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я старшій; разумѣется, что мнѣ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Нѣть, я тебѣ ея не уступлю;
Она и мнѣ понравилась, и я
Съ тобою равенъ правомъ на нее.
И то сказать, на что тебѣ Елену:
Вѣдь ты влюбленъ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Пожалуйста, не ври.
Въ кого же я влюбленъ?

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

А въ Кунигунду?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Неправда.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Какъ неправда? Ты при мнѣ
Ей изъяснялся въ пламенной любви,
Нелицемѣрной, вѣрной, домогильной
И даже замогильной, и потомъ
Мнѣ говорилъ, ну, помнишь поутру?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я изъяснялся въ пламенной любви
Трактирщицѣ, любезной Кунигундѣ,
Я говорилъ?!. Но я тогда былъ пьянь,
Жестоко пьянь, съ похмѣлья послѣ бала
И той проклятой ночи, какъ меня
Картежники едва не удушили.
Прошу не вѣрить пуншевымъ парамъ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ жеребій, — пускай же нась разсудитъ
Сама судьба!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Пожалуй!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ сейчасъ.

(Дѣлаетъ жеребыи).

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

А ты послушай, милая, ни слова
Не смѣй промолвить обо всемъ, что здѣсь
Ты видѣла и слышала, ни слова!
Молчи и знай, что, если хоть во снѣ
Ты... я тебѣ вотъ этой самой саблей
Срублю головку; помни, будь умна,
Не смѣй и плакать, и кажись веселой,
И будь тиха, и вовсе покорись
Своей судьбѣ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ жеребыи. Сначала
Метнемъ на рѣзвый.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ (вынимаетъ).

Рѣзвый мой!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ точно!

Теперь вотъ эти: конь или Елена?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ (вынимаетъ).

Нѣть счастья мнѣ! Мнѣ златогривый конь!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ то-то же! Прекрасная Елена,
Ты радуйся, что не ему досталась:
Я на тебѣ женюся непремѣнно,
И станемъ жить да поживать. Теперь
Пора домой!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты помни же, Елена...

(Уѣзжаютъ).

XXII.

**ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ, ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ,
ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ И ЕЛЕНА.**

(Обѣдаютъ.)

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я этому не вѣрю: невозможно,

Чтобъ человѣкъ, который съ юныхъ лѣтъ
До старости любилъ уединенѣе
И тишину ученаго труда,
Бѣжалъ разврата, жилъ благочестиво,
Возвышенный и дѣльный человѣкъ,
Вдругъ сдѣлался гулякой, чертоплясомъ,
Мерзавцемъ, волокитой. Я никакъ
Не вѣрю: есть въ природѣ переходы,
А этакихъ отчаянныхъ скачковъ
Не можетъ быть. Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете... Что вы
Такъ пасмурны? Ужъ вы здоровы ли?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Она здорова, но нельзя же ей,
Царь-батюшкѣ, не погрустить, покуда
Не обошлася въ нашей сторонѣ,
Не осмотрѣлась; ей у насъ все вновѣ,
Все будто бы чужое. Сверхъ-того,
Скажу тебѣ всю правду, мы ее
Похитили такъ смѣло и внезапно,
Такъ быстро торопились отъ погони
И чтобъ скорѣй обрадовать тебя
Жарь-Птицей, — что прекрасная Елена
Усталая съ перепугу и со спѣху.
Дай срокъ: она привыкнетъ съ нами жить
И насть полюбитъ всѣхъ до онаго,
И расцвѣтеть, и будетъ весела!
Не правда ли, прекрасная Елена,
Вы скоро къ намъ привыкнете?

ЕЛЕНА.

Не знаю.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

И больше всѣхъ полюбите меня?

ЕЛЕНА.

Не знаю я.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вѣдь вы моя невѣста!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А гдѣ-то онъ, мой другъ Иванъ царевичъ?

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Мы ничего не слышали обѣ немъ,
Хотя вездѣ справлялись.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Гдѣ нибудь
Теряетъ время, ищетъ вамъ Жаръ-Птицу,
Которая находится у васъ!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Знать, онъ заѣхалъ черезчуръ далеко,
Иль запутался.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Иль сидить въ плѣну.

Да, признаюсь! я очень удивился,
Царь-батюшка, когда узналь отъ васъ,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жаръ-Птицу: онъ дитя!
Ну, мало ли, что можетъ съ нимъ случиться?
Мы, напримѣръ, мы, кажется, не дѣти,
И мы не разъ спасались отъ бѣды
Лишь слuchаемъ. Большиe переѣзды,
Вертепы, горы, дикіe лѣса,
Наполненные лютыми звѣрями,
И кое-гдѣ разбойники — не шутка!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ты правъ, мой сынъ: не должно было мнѣ
Пускать его. Да мнѣ же и хотѣлось,
Чтобъ онъ остался утѣшать меня;
Я всячески доказывалъ ему.
Что молодъ онъ, что этотъ подвигъ труденъ,
Опасенъ, что мнѣ нужно при себѣ
Имѣть всегда хоть одного изъ васъ;
Я говорилъ, что мало ли что можетъ
Вдругъ сдѣлаться. Онъ плакалъ, горячился,
Упрашивалъ меня, мнѣ представляль

Свои причины, мысли и надежды
Такъ жалобно и страстно, что я самъ
Разнѣжился и отпустилъ его.
Ахъ, живъ ли ты, мой другъ, Иванъ царевичъ!

(Плачетъ).

ЕЛЕНА (Плачетъ).

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Царь-батюшка! смотрите, какъ она
Васъ полюбила, милая Елена!
Заплакала, увида ваши слезы!

ЕЛЕНА.

Я не могу не плакать!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой... совѣть!
Не плачьте же — вотъ выпейте вина!

(Входитъ Иванъ царевичъ, Елена бросается ему на
шею).

ЕЛЕНА.

Иванъ царевичъ! мой Иванъ царевичъ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Мой милый сынъ, ты живъ и цѣлъ, мой сынъ!
А мы было... Прекрасная Елена!
Что это значитъ? Гдѣ же вы его...

ЕЛЕНА.

Онъ мой женихъ, мой милый и сердечный,
Иванъ царевичъ. Онъ досталъ для васъ
Жарь-Птицу, златогриваго коня,
И для себя невѣсту, но дорогой
Его убили, а его добычу
Похитили!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ (на колѣняхъ).

Царь-батюшка, прости нась,
Мы виноваты! Брать Иванъ царевичъ!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себѣ твое добро,
Твои злодѣи...

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Зависть нась смутила.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я ровно ничего не понимаю!
Они тебя убили, милый сынъ,
Такъ какъ же ты живой къ намъ воротился?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ убитъ; они,
Царь-батюшка, зарѣзали меня
И мертваго покинули въ лѣсу,

ДИМИТРІЙ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧИ.

Иванъ царевичъ, добрый, милый братъ!
Иванъ царевичъ! будь великодушенъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я былъ бы съѣденъ хищными звѣрями
И птицами; но, знать, судѣбѣ угодно,
Чтобы не то случилось. Сѣрый волкъ,
Волшебный волкъ, пріятель мой, который
Мнѣ чрезвычайно много услужилъ
Въ моихъ дѣлахъ, я всѣмъ ему обязанъ,
Нечаянно зашелъ въ тотъ самый лѣсъ,
Узналъ меня и, сжалясь надо мною,
Сталь думать, какъ помочь моей бѣдѣ!
Сталь думать; вотъ увидѣлъ онъ, что воронъ
И съ нимъ два вороненка прилетѣли
Поѣсть меня. Онъ спрятался за кустъ,
И только-что они на мнѣ усѣлись
И начали свой голодъ утолять —
Онъ прыгъ изъ-за куста на вороненка,
Схватилъ его и хочетъ растерзать!
Тогда взмолился волку старый воронъ,
Чтобъ не губилъ онъ дѣтища его.
«Послушай же ты, Воронъ Вороновичъ!»

Сказалъ ему мой добрый волкъ: «слетай
За тридевять земель, и поскорѣе
Мнѣ принеси воды живой и мертвой.
Не принесешь, такъ будешь ты безъ сына;
А принесешь, я отпущу его
И цѣлымъ и здоровымъ». — Принесу,
Сказалъ ему проворно старый воронъ
И полетѣлъ, и воротился къ волку
На третыи сутки, и принесъ ему
Два пузырька съ лѣкарствомъ. Сѣрый волкъ
Взялъ ихъ, а вороненка разорвалъ,
И части спрыснулъ мертвовою водою,
И вороненокъ сросся отъ лѣкарства;
Тутъ спрыснулъ онъ его живой водою
И вороненокъ ожилъ, встрепенулся
И улетѣлъ. Волкъ за меня принялъ:
Онъ вылѣчилъ меня отъ смерти, рассказалъ
Мнѣ это, приключенье, и довезъ
Меня домой до городской стѣны.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Теперь я понялъ. Ахъ, они злодѣи,
Братоубійцы!..

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Братъ, Иванъ царевичъ,
Царь-батюшка, прекрасная Елена!
Простите насъ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Прочь отъ меня!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Не будемъ
Впредь никогда, исправимся, полюбимъ
Всѣхъ васъ. Ахъ, будьте милосерды,
Простите насъ, прекрасная Елена!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я васъ прощаю, встаньте!

ЕЛЕНА.

Я прощаю!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Царь-батюшка, ужели ты одинъ...

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ты слишкомъ добръ, Иванъ царевичъ. Встаньте!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.
(встаютъ и обнимаютъ брата).

Дай намъ обнять тебя, любезный братъ,
Забудь великодушно.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Все забуду!
И станемъ жить, какъ братья жить должны!
Царь-батюшка, она моя невѣста!

ЕЛЕНА.

Ты мой женихъ, моя любовь и радость,
Мой нѣжный другъ!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ (съ бокалами въ рукахъ).

Да здравствуетъ Иванъ
Царевичъ и прекрасная Елена!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (береть бокалъ).

Да здравствуетъ царь-батюшка и вы,
Со мною помирившіеся братья!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково другъ съ другомъ,
Безхитростно, и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иванъ царевичъ, видѣль я Жаръ-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной съ павлина! Золотыя

И радужныя перья! А глаза,
Какъ двѣ звѣзды востока! Для нея
Мы выстроимъ высокія палаты
Съ зеркальными окошками! Василій,
Поди и прикажи подать сюда
Десятокъ яблоковъ завѣтныхъ! Это птица!
Особенно мнѣ нравится у ней
Хвостъ! Вотъ такъ хвостъ! величественный хвостъ!
Раскидистый и разными лучами
Сіяющій...

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Да здравствуетъ Жаръ-Птица!

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительного фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (<https://xham-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименование.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли еще десятки подобныхъ сель и деревень.

Сейчас въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоить – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждеть...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни тиистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документаціи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

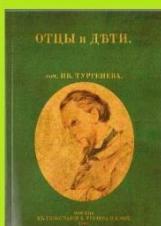
Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРООГРАФІИ

Доступны на

ozon.ru
*** выбирайте

Пріобрѣти книги вы
можете перейда по
адресу:
<https://pravopisanie.xram-yazvichax.ru>, а также
въ Интернеть-магазинѣ
OZON.

Человѣка, доброхотно дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣлъ
его восполнитъ.

[Книга Прічей Соломоновыхъ 22:8]

ПРОЕКТ
РЕСТАВРАЦИИ
ЦЕРКВИ
СВЯТОЙ
ЖИВОНОЧАЛЬНОЙ
ТРОИЦЫ

